

Т. И. ТЕПЛЯШИНА (Москва)

ПОДМЕНА ШИПЯЩИХ ЗВУКОВ СВИСТЯЩИМИ В ЯЗЫКАХ ВОЛГО-КАМЬЯ

Языки Среднего Поволжья и Приуралья (иначе Волго-Камья) имеют ряд общих черт в лексике, грамматике и фонетике, в совокупности составляющих определенные ареалы. Правда, появление некоторых закономерностей объяснимо самостоятельным развитием отдельных языков или вызвано совершенно разными причинами. На наш взгляд, особое внимание обращает на себя наличие некоторых общих звуковых процессов: чередование отдельных групп звуков, тенденции к озвончению, наличие редуцированных гласных и некоторые другие.

Мы намерены остановиться на одном из звуковых процессов, относящихся к ареальным явлениям Волго-Камья, — неразличении свистящих и шипящих, спорадически возникающем в диалектах разных языков.

Внутри группы согласных *s*, *z* и *š*, *ž* в некоторых языках наблюдается закономерная мена шипящих свистящими, т. е. $\dot{s} > s$, $\dot{z} > z$. В различных поволжских языках исследователи широко отмечают так наз. чередование \dot{s} и *s*; замена шипящего \dot{z} свистящим *z* как особое фонетическое изменение, не акцентируется. Последнее, по-видимому, объясняется тем, что в языках тюрков Поволжья, а также в марийском и мордовском языках встречаемость звонких \dot{z} , *z* ограничена. Между тем и этот фонетический процесс имеет место.

Наши наблюдения показывают, что обе пары согласных (*s*—*z*, \dot{s} — \dot{z}) в большинстве поволжских языков, если нерегулярно, то спорадически находят соответствие в отдельных диалектах языков Волго-Камья.

Употребляемость \dot{s} , *z* и \dot{z} , \dot{z} в языках Поволжья и Приуралья. Свистящие *s*, *z* и шипящие \dot{s} , \dot{z} известны как тюркским (татарскому, чувашскому, башкирскому), так и финно-угорским (марийскому, мордовским и пермским) современным языкам Волго-Камья. Акустически они напоминают друг друга: все являются шумными переднеязычными твердыми согласными, близкими к русским *с*, *з*, *ш*, *ж*; следовательно, и образование их в общем и целом совпадает.

Звук *s*, свойственный как тюркским, так и финно-угорским языкам Поволжья, — самый древний из рассматриваемых согласных. По своему происхождению *s* в разных языках неоднороден, но на данном этапе развития этих языков он имеет самостоятельный фонематический характер. В употреблении этот звук не ограничен ни в одном из языков Поволжья и Приуралья: возможен во всех позициях слова. Как и *s*, шипящий \dot{s} встречается в начале, середине и в конце слова. Правда,

в зависимости от позиции в слове *s* и *š* могут озвончаться, о чем речь пойдет ниже. Таким образом, современные *s*, *š* во всех языках Волго-Камья по звучанию совпадают.

Звук *z* в анлауте исконных слов марийского, чувашского и эрзя-мордовского языков не встречается. В них закономерно озвончается *s* в середине слова между гласными и в соседстве с сонорными согласными. В татарском языке *z* употребляется в начале, середине и конце слова. В исконных марийских, чувашских, татарских и мордовских словах в анлауте *ž* также не употребляется. В чувашском и мордовских языках *ž* как звонкая пара глухого шипящего *š* появляется между гласными и в соседстве с сонорными; в марийском языке звонкий *ž* может быть только в сочетании с шумными и в абсолютном конце слова; в татарском языке *ž* встречается лишь в арабских и персидских заимствованиях. В собственно башкирских словах общетюркского корня *ž* и *z* встречаются редко. Они, как и в татарском языке, чаще всего представлены в арабских, персидских и русских заимствованиях.

В пермских языках глухие шумные, свойственные финно-угорскому языку-основе, еще в ранний период существования общепермского языка спорадически озвончились. Это озвончение охватило как начальные, так и неначальные глухие согласные, поэтому звонкие согласные широко употребляются в удмуртском и коми языках, встречаются они во всех положениях слова.

Подмена шипящего *š* свистящим *s*. В некоторых диалектах языков Поволжья и Приуралья это явление имеет место. Междиалектное звукосоответствие *š* и *s* широко представлено в марийском языке. Замену литературного *š* согласным *s* как особое фонетическое явление Н. И. Исанбаев отмечает в наиболее архаичном мензелинском говоре марийского языка, ср.: *совын* вм. лит. *шовын* 'мыло', *сынаш* вм. *шынаш* 'испытывать', *соган* вм. *шоган* 'лук' и т. п.¹ Звук *s* на месте *š* встречается также в сернурском говоре марийского языка.² Как известно, в определенный период развития марийского языка в нем произошел переход древнего финно-угорского *s* в *š*. Видимо, в силу этой закономерности в современном языке наблюдается чрезвычайно много междиалектных звукосоответствий *s*—*š*. В посвященном этому явлению разделе своей работы Л. П. Грузов приводит большое количество примеров. Вот некоторые из них: *шан'ык* — *сын'ык* 'вилы', *шулаш* — *сулаш* 'таять', *шён* — *сён* 'сухожилие', *вашке* — *васке* 'скоро', *ушккал* — *ускал* 'корова', *мокиш* — *мокс* 'печень' и др.³ В этом фонетическом процессе, как указывает М. Р. Федотов, приняло участие большинство чувашских, а также более ранних татарских заимствований.⁴ По утверждению Л. П. Грузова, переход *s* > *š* в марийском языке завершился в XII—XIII вв.⁵ Нам представляется, что отдельные проявления *s* в более архаичных марийских диалектах на месте литературного *š* наряду с *s*, сохранившимся из финно-угорского праязыка, могут отражать и такой древний *s*, который был связан с общностью языков Поволжья, некогда имевшей место в их развитии.

¹ Н. И. Исанбаев, Из наблюдений над фонетикой говора мензелинских мари. — Вопросы марийского языкознания I, Йошкар-Ола 1964, стр. 101.

² И. С. Галкин, Л. П. Грузов, Некоторые итоги диалектологической экспедиции МарНИИ 1958 года. — Труды МарНИИ, вып. XIII, Йошкар-Ола 1959, стр. 192.

³ Л. П. Грузов, Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении, Йошкар-Ола 1965, стр. 152.

⁴ М. Р. Федотов, Исторические связи чувашского языка с волжскими и пермскими финно-угорскими языками II, Чебоксары 1968, стр. 30.

⁵ Л. П. Грузов, указ. раб., стр. 162.

Чувашскому литературному *š* в говорах также имеются соответствия *s*. Так, В. И. Котлеев отмечает, что в области консонантизма «одной из интересных особенностей краснотайского говора является произношение *s* вместо *ш*», и приводит примеры: *сăс'и* вм. лит. *шăш'и* 'мышь', *сăна* вм. *шăна* 'муха', *чăскă* вм. *чăшăк* 'чашка', *сарт* вм. *шарт* (звукоподражание) и др.⁶

Слова типа *суре* — *шире* 'борона', *сонаска* — *сунашка* 'санки' можно найти также в недавно вышедшем диалектологическом словаре Л. П. Сергеева.⁷ На чувашские соответствия *s*—*š* (причем во всех позициях в слове) Л. С. Левитская приводит ряд примеров из словаря Н. И. Ашмарина.⁸

Чередование звуков *s* и *š* отмечается и в татарских диалектах: *шугыш* вм. *сугыш*, *шöйлäшij* вм. *сöйлäшij*.⁹ В некоторых говорах известна замена литературного *š* согласным *s*: *аш*—*ас* 'пища, еда', *кош*—*кос* 'птица', *кеше*—*кэсэ* 'человек', *курше*—*күрсэ* 'сосед'¹⁰ и т. д.

Соответствия звуков *š*—*s* неизвестны и башкирским говорам: в них персидские и арабские заимствования усвоены через *s*.¹¹ «Чередование» *š*—*s* встречается также в эрзя-мордовских говорах, распространенных на территории Горьковской области.¹²

Для пермских языков «чередование», смешение звуков *s* и *š* или их взаимозамена не характерны. Однако языку бесермян (особой этнической группы удмуртов) оно свойственно. Бесермяне, особенно представители ежевско-шамарданского куста, систематически заменяют общепермские и русские *š* согласным *s*, например: бес. *saŋgi*, удм. лит. *шаньги* 'ватрушка, шаньга'; бес. *saj*, удм. лит. *шай* 'могила, кладбище'; бес. *saravar*, удм. лит. *шаровар* 'шаровары, брюки'; бес. *sus*, удм. лит. *шус* 'некрасивый'; бес. *kes*, удм. лит. *көш* 'неукусный'.

Самый крупный и один из наиболее древних населенных пунктов бесермян именуется Шамардан или Самардан.¹³ Собственно бесермянских памятников письменности нет. Некоторые сведения о языке бесермян дают косвенные источники. Примечательны в этом отношении писцовые книги XV—XVII вв., в которых начальный согласный в личных именах бесермян передается то буквой *s*, то *ш*; ср.: *Самай* — *Шамай*, *Багиско* — *Багишко*, *Есикейко* — *Ешкейко* и др.¹⁴ Такое разнописание в письменных документах могло появиться лишь потому, что два разных звука *s* и *š* как особые фонемы говорившими не различались и переписчики населения фиксировали имена так, как произносили их информаторы. Данное фонетическое явление отмечено и в позднейших диа-

⁶ В. И. Котлеев, О некоторых фонетических особенностях краснотайского говора. — Материалы по чувашской диалектологии, вып II, Чебоксары 1963, стр. 24.

⁷ Л. П. Сергеев, Диалектологический словарь чувашского языка, Чебоксары 1968.

⁸ Л. С. Левитская, Историческая фонетика чувашского языка. Канд. дисс., Москва 1966, стр. 289.

⁹ Г. В. Юсупов, Введение в болгаро-татарскую эпиграфику, Москва—Ленинград 1960, стр. 77.

¹⁰ Д. М. Сарманаева, Особенности диалектов татарского языка Среднего Урала. Канд. дисс. (на татарском языке), Казань 1948, стр. 65.

¹¹ Дж. Г. Киекбаев, Фонетика башкирского языка (Опыт описательного и сравнительно-исторического исследования). Докт. дисс., Москва 1955, стр. 352.

¹² Г. И. Ермушкин, Северо-западные говоры эрзя-мордовского языка. Автореферат канд. дисс., Москва 1967, стр. 8.

¹³ См. Т. И. Тепляшина, Материалы по бесермянской топонимике. — Топонимика Востока. Новые исследования, Москва 1964, стр. 144.

¹⁴ Т. И. Тепляшина, Заметки по фонетике бесермянских личных имен. — Ономастика, Москва 1969, стр. 119—120.

лектологических записях удмуртских языковедов, напр., *асьсэт* в м. удм. *азьшет* или *азькшет* 'фартук'.¹⁵

Местное русское население отличает бесермян от удмуртов их соканьем, или, как нам приходилось еще услышать, сюсюканьем. Кильмезские бесермяне своих лекминских сородичей называют, вернее дразнят (как впрочем и удмурты), *сөсә-пөсө вераськисьёс* 'сюсюкающие' (букв.: сюсюкая говорящие).

Подмена *ž* звуком *z*. Взаимозамена звонких *ž* и *z* также не чужда диалектам Волго-Камья. В марийских диалектах малмыжско-кильмезского типа согласному *ž* соответствует *z*: *узалаш* в м. *ужалаш* 'продавать', малм. *сузар* в м. кильм. и др. говоров *шўжар*, *шужар* 'младшая сестра', *пузар* в м. *пужар* 'настриг', *нузгол* в м. *нужгол* 'щука' и т. д.¹⁶ Аналогичная замена отмечается в посвященной этому вопросу работе Г. И. Лаврентьева.¹⁷

Неразличение, взаимозамену *ž* и *z* обнаруживаем и в чувашских диалектах. Так, в упомянутых выше краснотетайском и ибрийкинском говорах зафиксированы варианты: *лажа* — *лаза* 'лошадь', *кажак* — *казак* 'ложка', *кужак* — *козак* 'кошка'¹⁸, *пăжатан* — *пăзатан* 'шило'¹⁹ и др.

Что касается татарского и башкирского языков, то «чередования» *ž—z*, видимо, нельзя и ожидать, поскольку в них употребление данных звуков весьма мало распространено. Ввиду недостаточной изученности многочисленных мордовских диалектов трудно сказать, имеет ли место в них взаимозамена *ž* и *z*.

В пермских языках ни регулярной мены, ни перебоев в употреблении *ž* и *z* не наблюдается. Аналогично замене шипящего *š* свистящим *s* закономерный переход этимологического *ž* в *z* свойствен языку бесермянской этнической группы. Примеры: бес. *zag*, удм. лит. *жаг* 'сор, мусор'; бес. *žadem*, удм. лит. *жадем* 'усталый'; бес. *ozo*, удм. лит. *ожо* 'дерн'; бес. *tuz*, удм. лит. *туж* 'очень'.

Заметим, что обратное явление подмены свистящего *z* шипящим *ž*, как и *s—š*, не наблюдается. По признаку «смещения» *ž* и *z*, т. е. подмены шипящего *ž* свистящим *z* бесермянами, местные удмурты прозвали их зокающими.

Подмену шипящего *ž* свистящим *z* в бесермянских говорах никак нельзя объяснить историей развития этих звуков исходя из данных удмуртского и других пермских языков. Аналогии и причины возникновения такого явления необходимо искать в языках смежных территорий, т. е. в районе Поволжья и Приуралья, с которыми могли иметь контакты предки бесермян.

Причины возникновения переходов *ž > z*, *š > s*. Подмена шипящих свистящими в отдельных диалектах языков Волго-Камья не носит финно-угорского характера. Историческими процессами, происшедшими в марийском (здесь совершенно иные причины массового перехода *s > š*), мордовском и пермских языках, невозможно объяснить ее по-

¹⁵ В. М. Вахрушев, Об особенностях говоров северного диалекта удмуртского языка. — Записки Удмуртского научно-исследовательского института, вып. XIX, Ижевск 1959, стр. 241.

¹⁶ Л. П. Грузов, указ. раб., стр. 165.

¹⁷ Г. И. Лаврентьев, Шумные щелевые переднеязычные согласные в волжском говоре марийского языка. — Филологический сборник (= Ученые записки Чувашского научно-исследовательского института, вып. XXVIII), Чебоксары 1965, стр. 147.

¹⁸ В. И. Котлеев, указ. раб., стр. 24.

¹⁹ Л. П. Сергеев, Из наблюдений над ибрийкинским говором чувашского языка. — Материалы по чувашской диалектологии, вып. II, Чебоксары 1963, стр. 52—53.

явление. Переход шипящих в свистящие (или как авторы квалифицируют, междиалектное чередование) наличествует у тюрков Поволжья и некоторых тюрков в иных местностях. В диалектах хакасского, шорского, киргизского, кара-калпакского, ногайского языков, а также в аймурском говоре азербайджанского языка²⁰ встречаются различного рода чередования интересующих нас согласных. Междиалектные соответствия звуков *š—s*, *ž—z* имеют место и в казахских диалектах, в которых *š*, *ž* северо-восточных говоров и литературного языка соответствуют южноказахские *s*, *z*.²¹ В хакасском языке отмечается наличие особых *s*-овых и *š*-овых диалектов.²² В тюркских памятниках письменности зарегистрирована взаимозамена *s* и *š*, причем не ограниченная какими-либо позиционными или фонетическими условиями.²³ Исходя из этого, И. А. Батманов склонен полагать, что в тюркских языках в древности были *s*-овые и *š*-овые говоры.²⁴ Мы не беремся судить о том, было ли в древнетюркском языке междиалектное чередование или существовали *s*-овые и *š*-овые диалекты, но наличие соканья (соответственно зоканья) в языке бесермян, по всей вероятности, не случайно; оно может быть связано с древним *s*-овым и *z*-овым произношением вместо *š*-ового и *ž*-ового, которое, как показано выше, нашло отражение и в некоторых других языках Волго-Камья.

Нам представляется, что наряду с историческим переходом *s > š* в марийском языке в некоторых его диалектах мог сохраниться и более древний *s*, связанный с общностью языков Поволжья. Наличие «чередования» *s—š* в татарских говорах может быть отражением более древнего их состояния. Знаменательно, что и угорская топонимия свидетельствует о былом «неразличении» *s* и *š*. В мансийском языке А. К. Матвеев регистрировал случаи произношения: *шош* — *сош* 'ручей; овраг, лог'; *шуниш* — *сунс* 'мох, лишайник', *шумьех* — *сомьех* 'односкатный амбарчик'.²⁵ Г. П. Вуоно отмечает фонетические варианты топооснов: *кос* — *кош*, *кус* — *куш*, *сампат* — *Шомпат*.²⁶ Известно, что предки угорских народов в древности обитали в районе Нижнего Прикамья. Случаи «чередования» *s* и *š* в мансийском языке лишний раз подтверждают принадлежность данного фонетического явления Волго-Камью.

Следует сказать, что вопрос о существовании шипящего *š* в пратюркском языке в тюркологии остается спорным. В числе установленных А. М. Щербаком 15 древних согласных фонем пратюркского языка наряду со свистящим *s* значится и шипящий *š*.²⁷ Однако некоторые ис-

²⁰ Н. А. Батманов, Особенности языка памятников орхоненисейской письменности. — Вопросы диалектологии тюркских языков III, Баку 1963, стр. 119. Указания на это можно найти во многих местах работы: Н. А. Баскаков, Введение в изучение тюркских языков, Москва 1969.

²¹ С. Аманжолов, Вопросы диалектологии и истории казахского языка I, Алма-Ата 1959, стр. 123, 183, 234 и др., а также раздел VI, в котором даны диалектные параллели.

²² Н. А. Баскаков, А. И. Инкижекова-Грекул, Хакасский язык. — Хакасско-русский словарь, Москва 1953, стр. 362—366.

²³ Э. Р. Тенишев, Перебой *s||ш* в тюркских рунических памятниках. — Структура и история тюркских языков (в печати). Автор любезно предоставил нам свою рукопись для пользования, за что мы, пользуясь случаем, выражаем ему искреннюю благодарность.

²⁴ Н. А. Батманов, указ. раб., стр. 119.

²⁵ А. К. Матвеев, Мансийские заимствования в русских говорах по реке Пальму. — Ученые записки Уральского гос. университета, вып. 20, Свердловск 1953, стр. 75, 77.

²⁶ Г. П. Вуоно, Основные типы мансийских топонимов в устном употреблении. — Топонимика Востока. Новые исследования, Москва 1964, стр. 119, 122.

²⁷ А. М. Щербак, Тюркский консонантизм. — ВЯ 1964, № 5, стр. 21.

следователи тюркских языков, например М. Рясянен²⁸, В. А. Богородицкий²⁹, полагают, что анлаутный *š* в общетюркском языке отсутствовал. По-видимому, если были *š*-овые диалекты, то имелись и такие говоры, в которых шипящие не употреблялись: именно на это указывают отдельные поволжские диалекты тюрков и финно-угров, и в особенности такой архаичный диалект, как бесермянский.

Как известно, в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье первыми из тюркоязычных племен появились предки волжских булгар³⁰, потомками которых считаются чувашаи и частично татары. Установлено, что в протобулгарском языке имелся звук *s*, перешедший впоследствии в древнечувашском языке в *š*. Нужно полагать, в развитии некоторых диалектов (или одного из диалектов) древнебулгарского языка³¹ также был период, когда употреблялись только свистящие звуки (по крайней мере в начале слова), на что указывает наличие *s*, *z* вм. *š*, *ž* в языке бесермян.³² Кстати, Д. А. Хвольсон допускает и чтение имени булгарского царя с конечным *s* и с конечным *š*: *Алмус* и *Алмуш*. По словам А. Б. Булатова, абсолютное большинство древнебулгарских личных имен в начале слова имело *s*-овую огласовку.³³

Заметим, что племенное название чувашей в более ранний период звучало как *суваз*.³⁴ Оно, как указывает В. Г. Егоров, в устах чувашей легко могло получить форму *шубаш* и *шубаш*.³⁵ Для обозначения татар и чувашей марийцы до сих пор сохраняют этническое название *суас* (*суасла мари*, букв.: суаский человек, суас). Об эволюции понятия древнего названия чувашей писали Н. И. Ашмарин, В. Г. Егоров³⁶ и др. Тот факт, что с древнейших времен марийцы сохраняют первоначальное звучание племенного наименования в виде *суас*, также говорит в пользу того, что в определенный период развития языка предков чувашей или наличествовал *s*-овый говор или *s* и *š* не различались.

Общепермский язык-основа распался около IX—X вв.³⁷ Удмуртские диалекты свое самостоятельное развитие, видимо, получили после X—

²⁸ М. Рясянен, Материалы по исторической фонетике тюркских языков, Москва 1955, стр. 155.

²⁹ В. А. Богородицкий, Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками, Казань 1953.

³⁰ А. П. Ковалевский, Чувашаи и булгары по данным Ахмеда Ибн-Фадлана. — Ученые записки Чувашского научно-исследовательского института, вып. IX, Чебоксары 1954; Б. Д. Греков, Киевская Русь, Москва 1949, стр. 435; Б. Ф. Каховский, Происхождение чувашского народа, Чебоксары 1968; М. Р. Федотов, Исторические связи чувашского языка с волжскими и пермскими финно-угорскими языками, Чебоксары 1968, стр. 79—81 и др.

³¹ Язык древних булгар, следует полагать, не представлял собой единого целого. Сами булгары были сложным этническим образованием. Подробнее о них см.: Н. И. Воробьев, Казанские татары. Этнографическое исследование материальной культуры дооктябрьского периода, Казань 1953, стр. 9; В. Ф. Каховский, указ. раб.

³² Бесермяне до XII — начала XIII вв. жили в Нижнем Прикамье, о чем свидетельствуют языковые данные. С XIII в. бесермяне зарегистрированы в письменных источниках в бассейне р. Чепцы, левого притока Вятки.

³³ Эти сведения почерпнуты нами из сообщения А. Б. Булатова «Антропимы у волжских булгар» на Второй поволжской конференции по ономастике, состоявшейся в Горьком в апреле 1969 г.

³⁴ А. П. Ковалевский, О степени достоверности Ибн-Фадлана. — Исторические записки Академии наук СССР 1950, № 35, стр. 288.

³⁵ В. Г. Егоров, Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении I, Чебоксары 1954, стр. 20.

³⁶ Н. И. Ашмарин, Булгары и чувашаи, Казань 1902, стр. 116; его же, Материалы для исследования чувашского языка, ч. 1—2, Казань 1898; В. Г. Егоров, указ. раб., стр. 29.

³⁷ В. И. Лыткин, Историческая грамматика коми языка I. Сыктывкар 1957, стр. 24.

XI вв. Южноудмуртские диалекты, легшие в основу языка предков бесермян³⁸, были распространены в Нижнем Прикамье. Общепермское слово *сырчик* в южноудмуртских диалектах означает 'скворец', в языке коми 'ласточка; трясогузка'.³⁹ Это слово тюркского происхождения предками пермян заимствовано в эпоху пребывания их на одной территории, т. е. в районе Волго-Камья, до X в. н. э. и, разумеется, из тех тюрко-булгарских диалектов, в которых это слово начиналось с *s*. В современных татарских говорах существуют варианты *шерчык* — *сыерчык* 'скворец' и, возможно, они отражают более «неразличение» *s*—*š* или же наличие в них *s*-овых и *š*-овых древнебулгарских диалектов. На основе изучения местных названий в Татарской АССР Г. Ф. Саттаров приходит к выводу о том, что на территории Среднего Поволжья и Приуралья обитали древнетюркские племена, в языковом отношении отличающиеся друг от друга *s*-овой и *š*-овой группами, которые приняли участие в историко-этническом процессе формирования татарского народа.⁴⁰ Удмуртские диалектные варианты *сырчик* и *шырчик* 'скворец' являются принадлежностью различных тюрко-булгарских говоров⁴¹, из которых эти слова с разным начальным согласным в языке предков южных удмуртов проникли в готовом звуковом оформлении.

Следует считать, что произношение *s* и *z* в бесермянском вместо *ш* и *ж* удмуртского языка представляет собой древнее явление, которое встречается и в отдельных говорах других поволжских языков. Пребывание предков бесермян в Нижнем Поволжье совпадает со временем существования Булгарского царства в Волго-Камье (VII—XII вв.). Язык восточных булгар оказал большое влияние на марийский, мордовские, пермские и венгерский языки. Значительная часть булгарского населения растворилась в среде татар; следовательно, пережитки древнебулгарского языка сохранились и в татарских диалектах. Таким образом, очаг употребления слов с характерным *s* вместо *š* (а равно и *z* вместо *ž*) находился в диалектах древнебулгарских племен.

Мы склонны считать, что древнетюркская черта соканья или сюсюканья дожила до настоящего времени в отдельных говорах языков Волго-Камья через посредство языка древнебулгарских племен и сохраняется как пережиток.

Фиксация чувашских слов письменными источниками XVIII в. показывает, что и в этот период широко употреблялись слова как с *s*, так и с *š*, ср.: чув. *сохан* — *шухон* 'ворон', *сирла* — *ширла* 'ягода'.⁴²

Известный чувашский диалектолог 30-х годов Т. М. Матвеев предполагал, что *s*-овое произношение красночетайско-атаевского говора представляет собой новое явление.⁴³ Нужно полагать, правы А. С. Каныкова и Л. П. Сергеев, утверждающие, что диалектальный *s* в чувашском языке представляет собой исторический пережиток.⁴⁴

³⁸ См. об этом Д. Корепанов, Бесермяне. — На удмуртские тмы, вып. II, Москва 1931, стр. 99—106; Т. И. Тепляшина, Бесермянские термины, выражающие понятия 'мать' и 'отец'. — СФУ II 1966, стр. 56.

³⁹ Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов, Сыктывкар 1961.

⁴⁰ Г. Ф. Саттаров, Топонимия края и некоторые вопросы этногенеза казанских татар. — Вопросы татарского языкознания III, Казань 1969, стр. 171.

⁴¹ Среди фонетических расхождений в языке волжских булгар отмечается соответствие согласных *š* — *s*, например, *шэштэм* 'восьмой' (ср. чув. *саккър*, *саккър*). См. Н. А. Баскаков, указ. раб., стр. 236.

⁴² В. Д. Дмитриев, Два описания чувашей и чувашские словари второй четверти XVIII века. — Ученые записки Чувашского научно-исследовательского института, вып. XIX, Чебоксары 1960, стр. 289—293.

⁴³ Т. М. Матвеев, Краткий обзор чувашских диалектов (опыт районирования). — Материалы по чувашской диалектологии, вып. I, Чебоксары 1960, стр. 52—53.

⁴⁴ А. С. Каныкова, Некоторые особенности диалектов чувашей тури и анатри. — Материалы по чувашской диалектологии, вып. I, Чебоксары 1960, стр. 92—93;

Судя по динамике отдельных финно-угорских и тюркских говоров Волго-Камья, и особенно красночетайского чувашского диалекта и бесермянского диалекта удмуртского языка, мы приходим к выводу, что встречающаяся ныне подмена шипящих свистящими берет свое начало во времена болгарского владычества в Поволжье, которое в свою очередь унаследовало ее от более ранних эпох пратюркского периода. Рефлексы *s*-ового диалекта (или *s*-овых диалектов) болгарских племен и сохраняются до сих пор в отдельных живых диалектах поволжских тюрков и финно-угров.

Почему именно фрикативные шипящие переходят в свистящие, а не наоборот, объясняется артикуляционными явлениями. Считается, что при произношении щелевых *š*, *ž* получается двухфокусная артикуляция — два сужения (в передней и задней части полости рта), при произношении свистящих *s*, *z* мы имеем однофокусную артикуляцию⁴⁵, т. е. при образовании шипящих артикуляция сложнее, при образовании свистящих проще. Можно сделать заключение, что в языке далеких тюркоязычных предков бесермян, и, по-видимому, чувашей, состав консонантизма в артикуляционном отношении был более упрощенным: отсутствовали шипящие, имелись только свистящие звуки.

Т. И. TEPLJASINA (Moskau)

ERSATZ DER SIBILANTEN IN DEN SPRACHEN DER WOLGA- UND KAMAGEBIETE

In einzelnen Mundarten der finnisch-ugrischen und türkischen Bewohner der Wolga- und Kamagebiete wird der Ersatz des *š* durch *s* (mar. *шоган* — *соган* 'Zwiebel', tschuw. *шăна* — *сăна* 'Fliege', tat. *аш* — *ас* 'Essen', bess. *šuš* — *sus* 'unschön') und *ž* durch *z* (mar. *ужалаш* — *узалаш* 'verkaufen', tschuw. *лажа* — *лаза* 'Pferd', bess. *žag* — *zag* 'Müll') beobachtet.

Der Autor des Artikels meint, daß diese Erscheinung nicht zufällig ist. Dieser Wortgebrauch mit der spezifischen Aussprache des *s* statt *š* (sowie die Aussprache des *z* statt *ž*) nimmt seinen Ursprung von den Dialekten der altbulgarischen Stämme, durch deren Vermittlung sich diese alttürkische Eigenheit in den heutigen Mundarten der tschuwaschischen, tatarischen, udmurtischen und anderen Sprachen des Wolgabiets erhalten hat.

Л. П. Сергеев, Из наблюдений над ибрийкинским говором чувашского языка, стр. 168.

⁴⁵ См. подробнее: Р. И. Аванесов, Фонетика современного русского литературного языка, Москва 1956, стр. 154.